

погромов в Российской империи в современной историографии во многом опираются на новые источники и подвергнуты серьезной переоценке.

Труд В.Е. Кельнера – плод многолетнего научного поиска. Еще несколько лет назад такая книга вряд ли мы могла быть написана.

Эта работа – свидетельство успехов возрождающейся российской иудаики.

А.Е. Локишин,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Г.Д. Шкундин. РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ! ВОПРОС О СЕПАРАТНОМ МИРЕ С БОЛГАРИЕЙ В ПОЛИТИКЕ ДЕРЖАВ АНТАНТЫ (октябрь 1915 – март 1916 г.). София: “М. Дринов”, 2007, 180 с.

В книге Г.Д. Шкундина исследуется хронологический период с 14 октября 1915 г. (с момента вступления Болгарии в мировую войну) и до марта 1916 г., когда на совещаниях союзников в Шантильи и конференции в Париже было выработано отрицательное отношение коалиции к возможности заключения сепаратного мира с Болгарией. Работа написана в научно-объективном ключе на широком круге опубликованных и неопубликованных отечественных и иностранных источников.

Автор использовал не только материалы официальной дипломатии, но и, как он ее называет, “параллельной”, то есть отношение к проблеме общественного мнения разных стран, споры, которые велись вокруг нее как политическими элитами разных стран, так и внутри этих самых элит представителями разных ведомств. Субъективные нюансы механизма принятия важных внешнеполитических решений являются полноправной составляющей его исследования.

Г.Д. Шкундин показал участие так называемой неофициальной дипломатии в определении позиций стран в отношении Болгарии. Работа это непростая, зачастую неблагодарная, ибо в любом случае результат страдает фрагментарностью. Проследить воздействие на умы политиков мнений, записок, сведений, преподанных в журналистских статьях или меморандумах военных, чаще всего невозможно.

Между тем и период, избранный автором для исследования, полон проблем и противоречий. С одной стороны, в Болгарии традиционно были сильны прорусские настроения, еще жива была благодарная память об освобождении от многовекового османского ига, принсенная на русских штыках. С другой, в стране, и прежде всего, в правящей элите, после поражения в Балканских войнах были

сильны реваншистские надежды на восстановление Сан-Стефанской Болгарии, мечты об установлении гегемонии Софии во всей Юго-Восточной Европе. Во главе Болгарии стоял царь Фердинанд из Саксен-Кобургской-Готской династии, субъективно стремившийся к “восстановлению Византийской империи под его скипетром” (с. 13) и укреплению в стране германского влияния. Автор дифференцирует претензии монарха, степень их осуществимости, отношение к ним болгарской элиты. Говоря о том, что “экстремистские амбиции монарха не разделялись даже самыми авантюристическими болгарскими политиками”, он считает, тем не менее, что “данные химеры были не отвлеченной мечтой, а целью” царя и в общем виде его “гегемонистские устремления разделялись значительной частью буржуазии и офицерства” (с. 13).

Г.Д. Шкундин акцентировал внимание на том, что с самого начала мировой войны противоборствующие группировки (Антанта и Центральные державы) продолжили начатую еще в предвоенные годы дипломатическую борьбу за привлечение Болгарии на свою сторону в качестве союзника. Значимость ее для противоборствующих сторон историк видит не в эвентуальной роли ее сравнительно небольшой армии, а в геополитическом положении страны. Он подчеркнул, что вступление ее в войну на стороне Центральных держав в конечном счете позволило Германии “объединить в сплошной массив... огромную территорию от Ла-Манша до Персидского залива и подчинить своему контролю все экономические ресурсы этого гигантского региона” (с. 38). Впрочем, тезис об экономических преимуществах, которые получил Берлин в этом случае, на наш взгляд, требует большей конкретизации.

Дипломаты стран Антанты, вступая в борьбу за Болгарию, оказались в заведомо нерав-

ной по сравнению со своими противниками ситуации. Основные территориальные притязания софийского кабинета относились к Сербии, “которую многие болгары считали врагом номер один” (с. 13). Это стало, по мнению автора, одной из основных причин неконкретной, расплывчатой политики Антанты в этом вопросе. Центральные державы, со своей стороны, без оговорок и немедленно предложили царю Фердинанду именно то, что составляло непренное условие для ее участия в войне: входившую в состав Сербии Вардарскую Македонию (с. 21). Г.Д. Шкундин расценил вступление Болгарии в войну на стороне Германии как безусловный проигрыш антантовской дипломатии. Однако он настолько увлекся показом противоречивости задач, стоявших перед ней, что в результате остается неясным, а существовали ли в самом деле альтернативы, что можно было бы сделать иначе, где та грань, которая отделяет объективные сложности от субъективных ошибок.

В конце первой главы Г.Д. Шкундин выдвинул тезис, что вступление Болгарии в войну на стороне Центральных держав оттянуло поражение Турции, способствовало поражению Сербии и в целом увеличило силу сопротивления Германии, позволив затянуть войну на два года. Автор признал это событие фатальным не только для Софии, но “в долговременном плане, опосредованно – и для Российской империи”. Жаль, что это суждение осталось в монографии без дальнейшей разработки.

В исследовании показана реакция правительственных кругов, дипломатов, общественного мнения самой Болгарии и стран Антанты на принятие царем Фердинандом решения о вступлении в войну. Свообразие ситуации, с точки зрения автора, заключалось в том, что ни сразу после этого акта, ни в 1915 г., общественное мнение, также как и политики стран Антанты, до конца не верили в ее готовность воевать с Англией и Францией, не говоря уж о России. Это видение подкреплялось положением в самой Болгарии, где сохранялись прорусские настроения. Автор характеризует изменение состояния болгарского общества в период вступления в мировой конфликт и в дальнейшем, после победы над Сербией. В книге показано, что желание получить Македонию было настолько сильно в Болгарии, что позволило сплотить нацию вокруг военной партии: “Применительно к весне 1916 г., – отметил Г.Д. Шкундин, – трудно назвать болгарские антантофильские партии в целом, в отличие от ситуации, имевшей место до вступления страны в войну, когда политические партии различались, главным образом, по своей внешней политике. С осени 1915 г. линия водораздела проходила уже внутри этих

партий, а не между ними”. Союзные дипломатии, тем не менее, в значительной степени продолжали жить инерцией старых представлений. Информация о настроениях в Болгарии была скудной, а часто и искаженной. В монографии доказано, что на всем протяжении исследуемого периода, между представлениями союзных дипломатий о положении в стране, о состоянии и настроениях общества и реальным положением дел существовал катастрофический разрыв. Сначала союзники долгое время неоправданно надеялись, что вступление Болгарии в войну – это личная политика царя, не поддержанная в обществе, что она вызовет как минимум противостояние народа и власти; они “просмотрели” воодушевление, сплочение общества, вызванное победами армии над Сербией. Эти ожидания делали политику Антанты в конце 1915 г. в отношении Болгарии бесперспективной. Когда первые расчеты не оправдались, все надежды стали возлагаться на пассивность Софии после получения вожденной Македонии и заключение с ней сепаратного мира за счет передачи тех или иных территорий. Такие проекты строились в основном представителями, так называемой, неофициальной дипломатии. Позиция внешнеполитических ведомств в монографии, к сожалению, полностью не раскрыта.

В книге показана вся сложность взаимоотношений стран региона и поисков элитами великих и нейтральных государств путей решения конфликта на Балканах. При всем разнообразии часто вступающих в противоречия мнений и симпатий отдельных имевших влияние на свои правительства дипломатов, журналистов, военных в конечном итоге вырисовываются два основных фактора, возвращающих нас к изучению официальной политики стран. Автор отметил, что определяющее воздействие на принятие решений кабинетами оказывали территориальные вопросы и исторически сложившиеся симпатии, бытовавшие в той или иной политической элите по отношению к главным политическим силам региона: Сербии, Болгарии, Греции и Италии. В этом подробном анализе, к сожалению, теряется позиция Германии и ее союзников.

Перелом в отношении к болгарскому вопросу и активизацию его обсуждения историк связывает с общим изменением в Антанте отношения к координации военно-политической деятельности, начатым в 1915 г. и активизированным тяжелым ходом сражения под Верденом. Г.Д. Шкундин отмечает расхождение во взглядах, которые существовали в это время между высшим командным составом армий и политическими элитами стран Антанты. Первые по разным причинам проявляли

склонность к заключению сепаратного мира с Болгарией, однако политическое руководство стран их предложений не разделило.

Обоснован в книге вывод о том, что, вступив в войну, царь Фердинанд и его кабинет, погнавшись за сан-стефанским миражом, поставили нереальную задачу. Единственной политикой, которая не привела бы Болгарию к поражению, а дала некоторый выигрыш, было сохранение нейтралитета.

Важным представляется и вывод автора о том, что раз ступив на ошибочный путь, Болгария уже не имела объективных возможностей с него сойти – она находилась в сильнейшей экономической, политической и военной зависимости от Германии. С другой стороны и ситуация в Антанте не благоприятствовала поискам болгарских правителей.

В книге не хватает вводной главы, в которой была бы показана расстановка сил в Европе на момент начала действия и политический расклад в самой Болгарии. Стремление автора осветить малоизвестный, не привлекавший ранее внимание исследователей вопрос достойно одобрения, однако, читателю хотелось бы понимать место болгарской тематики в общем контексте мирового конфликта в целом и при каждом серьезном, этапном изменении на фронтах, в частности.

Собрав весь доступный материал о критике общественным мнением стран Антанты глав внешнеполитических ведомств за поражение своих дипломатий в схватке с Центральными державами за Болгарию, автор не коснулся содержательной части этой критики. Остается неясным, например, в чем конкретно обвиняли, скажем, русские кадеты министра С.Д. Сазонова, в чем видели его ошибку (с. 106–107).

Проводя интересный источниковедческий

анализ тех или иных выявленных им источников Г.Д. Шкундин, к сожалению, не сделал это правилом в своей монографии. Так, тщательно анализируя документы, вышедшие из-под пера западных политиков и военных, русского посла в Софии А.А. Савинского, автор излишне доверчиво, на наш взгляд, относится к мемуарам сотрудника российского МИД Г.Н. Михайловского, по поводу достоверности которых в современной отечественной историографии не раз высказывались сомнения. Причем речь идет о той их части, в которой описываются события, непосредственным свидетелем которых мемуарист быть не мог. Показывая изменение отношения к болгарскому вопросу в дипломатии Антанты, Г.Д. Шкундин приводит интересную телеграмму французского посла в Петрограде М. Палеолога, сообщавшую об изменении отношения болгар к германскому блоку. Вписав этот документ в выработку французскими политическими кругами своего видения проблемы, он, однако, не разъяснил положений самой телеграммы, противоречащей всем документам, приводившимся ранее в книге (с. 95–96).

В монографию включено большое количество иллюстраций, что облегчает восприятие текста. Но для того, чтобы разобраться в рассматриваемых в исследовании спорах по территориальным вопросам читателю не хватает карты.

В заключение отметим, что монографию Г.Д. Шкундина отличает удачное сочетание глубокого научного анализа и живой литературной формы изложения.

Е.М. Миронова,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

“ÄNTLIGEN STOD HON I PREDIKSTOLEN!”. HISTORISK VÄGVAL 1958. Stockholm: VERBUM, 2008, 251 s.

“НАКОНЕЦ-ТО ВСТАЛА ОНА НА ЦЕРКОВНУЮ КАФЕДРУ!”. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ 1958 г. Стокгольм, 2008, 251с.

Прошло ровно полвека с тех пор, как сначала Церковным собором евангелическо-лютеранской Шведской церкви в сентябре 1958 г., а затем в октябре того же года риксдагом был принят закон, давший право женщинам, имеющим соответствующее богословское обра-

зование, с 1959 г. быть посвященными в сан и занимать должности священников в церкви. Три первые шведки приняли посвящение в апреле 1960 г. Но до сих пор не было научно-объективного монографического исследования, посвященного этому событию, за исклю-